

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Крыжан Анны Викторовны

«Местные органы юстиции черноземных губерний в социально-политической повседневности первых десятилетий советской власти (1917 – 1936 гг.)»

на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование А.В. Крыжан в настоящее время приобретает актуальность в свете возвращения исторической памяти об особенностях деятельности местных органов юстиции в первые десятилетия советской власти. Причем диссертация помимо неизвестных ранее знаний помогает на примере местных органов юстиции черноземных губерний рассмотреть первые шаги становления советской системы права и организации новой властью государственного управления. Собственно в работе происходит переосмысление уникального опыта советского государственного строительства, не имевшего аналогов не только в отечественной, но и в мировой истории.

В своей работе А.В. Крыжан в разделах «Введение» (с. 4 – 23) и главе первой «Историография и источники» (с. 24 – 69) грамотно формулирует предмет, объект и научную новизну диссертации. Положения, выносимые на защиту, тоже в полной мере соответствуют внутреннему содержанию исследования. Необходимо отметить историографический обзор (с. 24 – 48) и источниковедческий анализ (с. 48 – 67) в работе А.В. Крыжан, который знакомит с исследованиями по теме диссертации на различных временных этапах отечественной и зарубежной историографии.

На наш взгляд, предложенная диссертантом структура работы в полной мере отражает проблему исследования и способствует системному

восприятию материала. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

А.В. Крыжан вводит в научный оборот новые источники, базирующиеся на архивных документах. Основой ее диссертационной работы стали архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Государственного архива общественнополитической истории Курской области (ГАОПИКО), Государственного архива Курской области (ГАКО), Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) и Государственного архива Орловской области (ГАОО). Диссертант скрупулезно проанализировал материалы архивных фондов, отражающие разнообразие деятельности местных органов юстиции черноземных губерний в первые десятилетия советской власти. Все документальные материалы были систематизированы с использованием критического анализа в рамках предложенной темы диссертации.

Органичным дополнением к материалам архивов явились опубликованные источники: нормативные правовые акты исследуемой эпохи, речи, статьи и труды государственных деятелей первых десятилетий советской власти, воспоминания современников и материалы периодической печати.

Вторая глава диссертации посвящена особенностям создания и внутренней структуре повседневности в период советского социалистического строительства 1920–1930-х гг. Входящие в нее три раздела – «Гражданское сознание в Советской России в первые послереволюционные годы» (с. 71 – 82), «Взаимоотношения обывателя и власти в послереволюционный период» (с. 82 – 92) и «Социально-политическая повседневность 1920–1930-х гг.» (с. 92 – 104) – дают представление о многочисленных проблемах между обществом и властью,

возникших в период государственного строительства в первые годы советской власти.

Автор диссертации обобщает материал второй главы оригинальным выводом: «Обыватели не задумывались о сущности и характере новой власти, они просто сосуществовали с ней. Жить «вне власти» оказалось невозможным не только потому, что она регламентировала все стороны жизни, в том числе и частную. Частная жизнь просто перестала существовать, потому что её основой является частная собственность и индивидуальная свобода. Кроме того, власть постоянно порождала новые организационные формы и структуры, новые идеи, которые влияли на обыденную жизнь человека. Однако взаимодействие является двусторонним процессом. Раз обыватель «принял» власть, то и власть должна была «принять» его. Оптимистичные лозунги первых советских десятилетий не могут скрыть того очевидного факта, что предприимчивость или инертность людей часто находила лазейки в самых жестких политических конструкциях. Очевидно, что в исследуемый период имела место социальная интерференция: волна производимых властью революционных преобразований столкнулась с волной преобразований, осуществляемых миллионами индивидов в организации собственной жизни, позволивших им включиться в новые системы социальных коммуникаций и адаптироваться к ним. Это привело к трансформации обеих сторон» (с. 105 – 106).

Третья глава диссертации «Система советской юстиции в 1917 – 1936 гг.» (с. 107 – 209) включает три раздела – «Система органов и учреждений юстиции» (с. 110 – 145), «Условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах» (с. 145 – 197) и «Бюрократизм и злоупотребления в работе местных советских учреждений юстиции» (с. 197 – 209).

А.В. Крыжан дает оценку системе органов советской юстиции в исследуемый исторический период: «В первые два десятилетия после Октября процесс становления такого аппарата еще не был завершен. Поэтому в начале 20-х – середине 30-х годов для большевиков немаловажное значение

имело сознательное поддержание гражданами правопорядка. Речь, разумеется, уже не шла о «революционной сознательности масс», которые должны проявлять образцы нравственности и пресекать любые попытки несознательных элементов нарушить общественный порядок. Несостоятельность этой идеи стала очевидной уже в первые послеоктябрьские месяцы, она продолжала использоваться как привлекательный лозунг. Нужно было поддерживать социальный порядок путем создания правовых норм и поддержания у граждан уверенности в том, что при нарушении этих норм они могут обратиться к структурам, которые могут защитить или, по крайней мере, помочь.

Однако благодаря отсутствию у власти четкого видения места и роли органов и учреждений юстиции в новом государстве, их деятельность в 1917 – 1936 гг. происходила в неоднозначных условиях. Наблюдались противоречивые процессы» (с. 210 – 211).

В четвертой главе диссертационного исследования «Советская юстиция и власть» (с. 213 – 270) содержатся четыре раздела – «Противостояние органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местной власти» (с. 217 – 233), «Деятельность прокуратуры: между законом и властью» (с. 233 – 247), «Вовлечение судебно-прокурорских работников в политические процессы» (с. 247 – 255) и «Деятельность адвокатуры в условиях антагонизма с властью» (с. 255 – 270).

Весьма интересной представляется трактовка А.В. Крыжан противостояния местных органов советской юстиции черноземных губерний официальной политики советской власти: «В начале 1930-х годов в ходе предпринятой большевистским руководством попытки вовлечь судебно-прокурорские органы в масштабный процесс коллективизации путем применения уголовного законодательства стало очевидно, что эта профессиональная позиция во многом определялась собственной системой ценностей и пониманием социальной справедливости, сложившейся у

судебно-прокурорских работников, в том числе, и под влиянием официальной советской пропаганды.

В результате сопротивления судей и прокуроров применению драконовских законов против крестьян, последствия использования уголовного закона как средства проведения преобразований были значительно смягчены» (с. 271 – 272).

Пятая глава диссертации «Советская юстиция и обыватель» (с. 273 – 325) состоит из четырех разделов – «Политическая фразеология в практике повседневного общения с властью» (с. 275 – 287), «Восприятие органов юстиции гражданами» (с. 287 – 298), «Общественная нагрузка в трудовой повседневности работников юстиции» (с. 299 – 312) и «Вовлечение граждан в формы общественного правосудия» (с. 312 – 325).

Анализируются аспекты восприятия органов юстиции советскими гражданами: «Во многом положительному восприятию органов и учреждений юстиции способствовали профессиональные действия их работников. Малообразованные судьи на местах с момента прихода большевиков к власти, слышали и воспринимали лозунги о том, что они являются хозяевами жизни, рассуждения власти о социальной справедливости и сознательности. При этом идея социальной справедливости преподносилась как важнейший государственный приоритет.

Естественно, подобные лозунги и призывы формировали сознание и систему ценностей работников юстиции, однако, не помогали разобраться в тонкостях политических намерений руководящей верхушки. Выполняя профессиональные обязанности, они действовали «как написано», потому что законы издавала власть, называвшая себя «самой мудрой и справедливой». Однако судьи и прокуроры на местах не всегда могли разобраться в том, «что написано». В этом случае, они действовали, исходя из своего усмотрения, что приводило к тому, что их понимание справедливости шло в разрез с репрессивными намерениями власти» (с. 326 – 327).

В заключении диссертации А.В. Крыжан подводит итоги исследования и делает авторские выводы. Как отмечает автор: «Органы управления, учреждения и институты юстиции на местах на протяжении исследуемого периода смогли оставаться в стороне от политического террора и сохранить правоохранительную сущность своей деятельности, еще и потому что перед ними стояла задача демонстрации наличия в советском государстве цивилизованного правосудия, которое являлось одной из составляющих демократии. Большевицкая демократия представляла собой набор демагогических лозунгов, но у нее была и иная сторона, которая не афишировалась властью. Демократические механизмы использовались большевиками для вовлечения населения в крупномасштабные политические процессы, которые невозможно было организовать, не обеспечив поддержку большинства. В 1920–1930-х годах система советской юстиции решила несколько важнейших задач – убедила власть в собственной значимости, сформировала систему советского правосудия и продемонстрировала её возможности решать повседневные жизненные проблемы людей.

В целом мы считаем, что на всем протяжении исследуемого периода эффективность советского правосудия снижалась такими факторами как отсутствие у властных структур определенности в отношении нужности системы юстиции и способов её использования в новой политической системе, финансированием органов и учреждений юстиции по остаточному принципу и неудовлетворительным состоянием юридических кадров.

Тем не менее, как показали материалы исследования, органы и учреждения юстиции исследуемого региона не являлись послушными проводниками партийно-государственной политики на местах, их деятельность до середины 1930-х годов сдерживала экстремистские устремления власти, снижая масштабы и уменьшая последствия злоупотреблений и беззакония» (с. 337 – 338).

Основные положения диссертации нашли отражение в двадцати четырех публикациях и одной монографии. Среди опубликованных работ

можно выделить 20 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и четыре статьи в изданиях международных баз Scopus и Web of Science.

Предложенное содержание автореферата полностью отражает текст диссертационного исследования.

Несмотря на значительное количество положительных моментов, на наш взгляд, нужно отметить несколько замечаний:

1. В диссертационной работе отсутствует подробный анализ развития в исследуемый исторический период местных органов юстиции за рубежом, что несколько обедняет содержательную часть исследования. Наверное, было бы интересно проследить возможный обмен опытом между иностранными и советскими государственными структурами юстиции. Причем представляет научный интерес упомянутая проблема не только в исторической ретроспективе, но и на современном этапе развития государственного строительства.

2. Не уделяется достаточного внимания проблеме развития местных советских органов юстиции в других регионах страны кроме черноземных губерний.

3. Хотелось бы получить более полное представление на примере местных советских органов юстиции черноземных губерний о преемственности опыта дореволюционных структур юстиции в рамках советского государственного строительства в исследуемый исторический период.

4. На наш взгляд, в не полной мере раскрыта проблема использования опыта организации местных советских органов юстиции черноземных губерний в аналогичных структурах в современной Российской Федерации.

5. Названия некоторых разделов диссертации носят скорее публицистический, а не научный характер – «Деятельность прокуратуры: между законом и властью».

